

Глава Восьмая

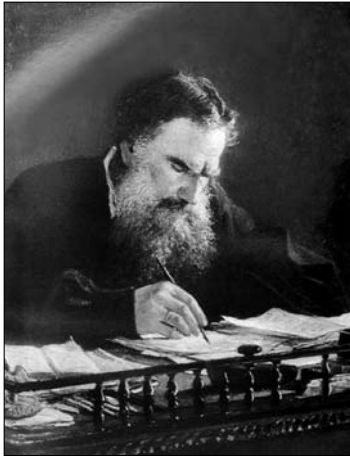
ПОСЛЕДНЕЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ XIX ВЕКА

Время Д.А. Толстого
и И.Д. Делянова

В последнее тридцатилетие XIX века журнал находился в центре горячих идеологических споров. Самый авторитетный русский мыслитель того времени – Лев Николаевич Толстой – встал в осознанную оппозицию к Министерству народного просвещения, к официальной идеологии. Он основал альтернативные нашему журналу педагогические издания. Позже эта тенденция наберёт силу, и с 1890 годов публицисты-демократы начнут издавать множество журналов, альманахов, хрестоматий, в которых будут излагаться точки зрения, противоположные официальной, академической. Но первым был Лев Николаевич Толстой.

1

Последнее тридцатилетие XIX века было для России противоречивым временем, когда общественная мысль и глубоко связанная с нею судьба просвещения подверглись мощному влиянию с диаметрально противоположных идеологических позиций. Некогда почти монолитный костяк русского просвещённого общества раздирался на части, разрывался... Выдержать такую сшибку могли лишь явления, отличающиеся невероятной жизнестойкостью. Головокружительные ритмы культурной жизни той эпохи ощутимы в литературе, образцы которой быстро становились классическими. Это было время правления императора Александра II, время больших реформ, когда социальные и культурные связи в обществе многократно усложнились. Патриотический подъём после Русско-турецкой

«Потребность образования лежит в каждом человеке; народ любит и ищет образования, как любит и ищет воздуха для дыхания. Правительство и общество сгорают желанием образовывать народ, и, несмотря на всё насилие, хитрости и упорство правительств и обществ, народ постоянно заявляет своё недовольство предлагаемым ему образованием и, шаг за шагом, сдаётся только силе.

Как при каждом столкновении, так и при этом, нужно было решить вопрос: что более законно — противодействие или самое действие; нужно ли сломить противодействие или изменить действие?

До сих пор, сколько можно было видеть из истории, вопрос был решён в пользу правительства и образовывающего общества. Противодействие признавалось незаконным, в нём виделось начало зла, присущее человечеству, и, не отступая от своего образца действия, то есть не отступая от той формы и от того содержания образования, которым владело общество, оно употребляло силу и хитрость для уничтожения противодействия народа. Народ медленно и неохотно до сих пор покорялся этому действию».

Л.Н. Толстой.

«О народном образовании»

(статья опубликована в 1862 году
в журнале «Ясная Поляна»)

войны, новые территориальные приобретения в Средней Азии, утверждение рыночной экономики, в течение нескольких десятилетий поставившей Россию в зависимость от финансовых центров мира.

Рыночная идеология вторгалась и в педагогическую практику, делая мечты просветителей екатерининского и александровского (пушкинского) времени о внесловном образовании неосуществимыми...

В политике действовали энергичные и способные администраторы — министры финансов Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградский, С.Ю. Витте... Государственная идеология, в том числе и идеология просвещения, формировалась в острых, переходящих от теории к практике спорах К.П. Победоносцева и Н.Г. Чернышевского, Ф.М. Достоевского и И.С. Тургенева... В науке появлялось всё больше значительных имён; культурная жизнь заваривалась уже не вокруг одиночек-гениев и узких кружков рыцарей просвещения, а в лоне развитых национальных школ, осваивавших самые разные области человеческого знания. Это была созидательная эпоха, эпоха труда.

В рубрике «Правительственные распоряжения» «Журнал Министерства Народного Просвещения» опубликовал немало знаменательных документов: от высочайшего повеления «Об учреждении общества исследователей Западной Сибири» до многочисленных распоряжений по учреждению именных стипендий студентам. Для журнала начались годы интенсивной, насыщенной жизни. И его авторам требовалась всё большая аудитория. Среди министров народного просвещения и среди редакторов и авторов журнала оказалось немало личностей, достойных отдельного повествования. О них и об их эпохе и будет наш рассказ.

Прорывные мысли Льва Толстого из статьи «О народном образовании», написанные на заре новой, пореформенной России, отражают «центробежность» общества, начинающего сомневаться в коренных вопросах просвещения, в надёжности рационального инструментария. Родственник великого писателя, министр просвещения граф Д.А. Толстой пытался противостоять набирающим силу контрпросветительским тенденциям. Но, будучи защитником существующего политического строя, министр невольно становился и защитником строя экономического. А для православного человека и патриота России это было положение ложное: в мире капитала нашей стране отводилась незавидная роль вечного ученика, пушечным мясом расплачивающегося за кредиты. Самодержавие худо сочеталось с либеральной идеей, ставящей права личности выше долга перед Отечеством, а эгоизм — выше патриотизма. Ни традиции французского и русского просвещения, ни идеология Николая I и гр. С.С. Уварова не отвечали потребностям либералов. Л.Н. Толстой определяет проблемы педагогики своего времени с исчерпывающей публицистической отвагой, присущей гениальному писателю. И Министерство народного просвещения, и журнал министерства с 1860-х годов существовали в условиях взаимовлияния и конкуренции с толстовской школой, с педагогическими сочинениями и проектами Льва Николаевича, формально оставшимися за пределами внимания журнала, но влиявшими на его авторов с возрастающей силой. Не преувеличивая, можно сказать, что гигантская фигура гр. Л.Н. Толстого возвышается над русской педагогикой 1860–1900 годов.

2

Деятельность двух министров народного просвещения России — Д.А. Толстого и И.Д. Деянова — во многом определила развитие наших образовательных учреждений в последнюю треть XIX века и своеобразие министерского журнала.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой был воспитанником Царскосельского лицея и с молодых лет на поприще государственной службы занимался образовательным направлением, а также проблемами церковной жизни и государственной безопасности. На протяжении многих лет он возглавлял Священный Синод и два министерства — народного просвещения и внутренних дел, оставаясь одним из наиболее влиятельных политических деятелей и администраторов Российской империи. С 1866 по 1880 год Д.А. Толстой совмещал должности обер-прокурора Священного Синода и министра народного просвещения. Такое положение вещей, символизирующее единство трёх социальных институтов — государства, школы и церкви, вызывало активную критику в народнических и либеральных кругах. Но у Дмитрия Андреевича нашлись и горячие сторонники, хотя все признавали, что личным обаянием всеильный министр не отличался. Он казался эдаким бездушным демиургом, человеком-схемой. Граф Д.А. Толстой был очередным, после адмирала Е.В. Путятина, всероссийски известным политиком, возглавившим Министерство народного просвещения. Его многолетнее пребывание в правительственной элите объясняется прежде всего блестящими администраторскими способностями, которые угадывались ещё в родовитом лицеисте-царскосельце — кстати, царскосельцем был и предшественник Д.А. Толстого на посту министра народного просвещения, А.В. Головин. Примечательно, что именно при министре Д.А. Толстом в 1869 году была учреждена должность инспектора народных училищ, ведшего надзор за начальными учебными заведениями. Об этом хорошо известно многим из истории семьи Ульяновых. Действительно, инспекторы народных училищ зачастую были самыми последовательными и активными проводниками и практиками просвещения в необъятной и многонациональной Российской империи. Д.А. Толстого и его соратника и преемника И.Д. Деянова называли «одними из реакционнейших политических деятелей России». Эту оценку никак нельзя считать приговором, ибо в развитии государства закономерно сменяются эпохи перемен и годы реакции. И для того и для другого требуются талантливые политики, одарённые администраторы — проводники своих принципов. Недруги Д.А. Толстого признавали его твёрдый характер и редкую в русском дворянстве искреннюю любовь к бюрократической работе. Чтобы осмыслить значение Д.А. Толстого в нашей истории, следует помнить суть его образовательной реформы: низшая школа — для народа, реальные училища — для буржуазии, классические гимназии — для дворянства. Питомцами университетов могли стать только выпускники классических гимназий (бывшие реальные гимназии преобразовались в реальные училища). В классических гимназиях огромное значение придавалось изучению древних языков; эта тенденция отразилась и на содержании журнала. Сам Дмитрий Андреевич Толстой называл свою линию европейским путём для России. Он нередко молился «священным камням» Европы с её античной Грецией, вечным Римом и аристократическим Версалем: «Вы говорите о борьбе, которую я должен был выдержать за русское просвещение. Не настало ещё время рассказать о ней подробно, но теперь уже можно выразить её в общих чертах. Дело было в том: идти ли России по широкому пути, проложенному европейской цивилизацией, или же по тем неведомым, неиспытанным тропинкам, которые предлагали наши доморощенные утописты. По воле государя императора я выбрал первый путь, широкий и испытанный»¹.

Самыми влиятельными и верными политическими союзниками Толстого были М.Н. Катков и К.П. Победоносцев, а среди принципиальных противников мы видим многих выдающихся просветителей. Впрочем, перед Д.А. Толстым преклонялся Ф.М. Достоевский. Нетрудно догадаться, с каким скептицизмом относились к деятельности Дмитрия Андреевича И.С. Тургенев, М.Е. Салтыков-Щедрин и Д.И. Менделеев... Самый могущественный из противников министра — Михаил Тариэлович Лорис-Меликов (1825–1888) — едва не прервал политическую карьеру Толстого, но Александр III возвысил

Александр II

¹ Толстой Д.А. Речи и статьи. СПб., 1876. С. 46.

знаменитого охранителя, умышленно вручив ему именно Лорис-Меликовскую вотчину — Министерство внутренних дел. Это назначение стало символом наступления реакции, усиления охранительных тенденций в идеологии. Такие меры не были популярны, однако в обществе, напуганном народовольческим террором, крепла и тоска по «сильной руке». Об этом свидетельствуют тогдашние выступления Ф.М. Достоевского, А.С. Суворина, Н.П. Страхова.

О Д.А. Толстом спорят и сейчас. Приведём два мнения современных исследователей — историков Г.П. Измestьева и В.Ф. Хотеевкова. Г.П. Измestьева представляет Д.А. Толстого оплотом го-

сударственности, борющимся с разрушительными планами либералов. Она анализирует процесс формирования его мировоззрения: «Религиозное мировоззрение, как и монархические убеждения Толстого, явилось результатом внутренней борьбы и серьёзных размышлений, осознанного, осмысленного выбора. В молодости он был близок к кружку петрашевцев и дружил с поэтом А.П. Плещеевым, одно из стихотворений которого было посвящено будущему министру просвещения. Толстой и Плещеев были неразлучны. Между ними существовала такая тесная связь, что, когда Плещеев был арестован, все знавшие их считали, что такая же участь постигнет и Толстого». Иными словами, подобно Ф.М. Достоевскому, Д.А. Толстой приходит к охранительству через увлечение либеральными идеями, через кружок М.В. Петрашевского. Что же касается Алексея Николаевича Плещеева, то он посвятил Д.А. Толстому своё стихотворение «Её мне жаль» — стихотворение, лишённое революционной, политической интенции:

Д.А. Толстой

Дай руку мне... Я понимаю
Твою зловещую печаль
И, полон тайных мук, внимаю
Твоим словам: «Её мне жаль».

Но тот же Плещеев сочинил один из известнейших революционных гимнов, строки которого могут восприниматься как преждевременный (из 1846 года) спор с толстовской образовательной реформой:

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам
И за него снесём гоненье,
Против безумным палачам!

Плещеевское демократическое понимание просвещения расходилось с аристократической, по английскому образцу, системой Д.А. Толстого. Тогда, в 1840-е годы, они были единомышленниками.

Г.П. Измestьева определяет кредо Д.А. Толстого: «Опыт духовных исканий сказался и в министерской работе Толстого. Либеральная пресса совершенно справедливо замечала, что он рассматривает классическое образование как средство от нигилизма и, в значительной мере, ценит его именно за это. Действительно, школьная реформа имела целью утвердить в молодёжной среде пристрастие к нравственным нормам, ориентацию созидания, а не разрушения, а также — уважение к законам. Министр неоднократно подчёркивал, что стремится оградить учащихся от политических страстей, чтобы они не оказались жертвами политических интриг, а сосредоточились на серьёзном образовательном труде. Он считал, что школа и университет должны быть вне политики».

Исследовательница приводит разные мнения о Д.А. Толстом, принадлежащие его современникам. От редактора журнала «Вестник Европы» М.М. Стасюлевича («Он — ума мелкого, самых поверхностных идей, характера ничтожного, доступного влиянию всякой просвири...») до французского автора В. Лаферте, написавшего книгу о России времён Александра II: «Это человек обширной учёности, ума

серьёзного и глубокого, характера твёрдого, не поддающегося никакому влиянию...» Ф.М. Достоевский писал об образовательной политике Д.А. Толстого: «В учебной реформе нынешнего царствования вся наша будущность, и мы знаем это»². Г.П. Измestьева утверждает, что преобразования министра расходились с планами либеральной оппозиции, и потому либеральная печать ополчилась на него, создала ему репутацию мракобеса.

В.Ф. Хотеевков в статье «Граф Д.А. Толстой. Лжегосударственный человек» анализирует методы работы Толстого в ином ключе: «Вступив на пост министра внутренних дел, гр. Д.А. Толстой не имел никакой позитивной программы, так же как в своё время, когда он был назначен министром народного просвещения... Даже К.П. Победоносцев обвинял «графа Толстого в негосударственности его управления, в отсутствии определённых намерений и видов, в желании лишь прожить со дня на день» (см.: Высшее образование в России. 1996. № 4). У Победоносцева была своя концепция развития школы — православная (с усилением роли церкви в народном образовании) и охранительно-монархическая. Идеологическим установкам Победоносцева был свойствен православный демократизм, к сожалению, мало отражённый в практике сословной школы того времени. Он писал: «Понятие народное о школе есть истинное понятие, но, к несчастью, его перемудрили повсюду в устройстве нашей школы. По народному понятию, школа учит читать, писать и считать, но в нераздельной связи с этим учит знать Бога, любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей. Вот сумма знаний, умений и ощущений, которые в совокупности своей образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдержать борьбу с дурными побуждениями природы, с дурными внушениями и соблазнами мысли». К.П. Победоносцеву не удалось создать школы, в которой его тонкое понимание человеческой природы производило бы педагогический эффект.

Ф.М. Достоевский

Несоответствие реальной политики лучшим устремлениям — это трагедия для идеолога. Победоносцев пережил эту трагедию сполна. Диапазон отношений к Победоносцеву, господствовавших в обществе, определил мятежную душу той эпохи. И здесь можно вспомнить не только хрестоматийные блоковские «совиные крыла», но и нежнейшего Дмитрия Николаевича Мамина-Сибиряка, писавшего в частном письме своей матери, А.С. Маминной: «Вчера умер Победоносцев, который затормозил русскую историю на целую четверть века. Сколько людей пострадало из-за его нелепого упрямства. Я его считаю Богом проклятым человеком, который был послан России за наши грехи. Ну, и чёрт с ним... Не стоит говорить... У всей литературы этот милый человек висел камнем на шее и принёс неисчерпаемое зло».

Не стоит упрощать и фигуру Д.А. Толстого — политика дальновидного и гибкого. Отметим, что Дмитрий Андреевич умел быть откровенным, когда обращался к учащейся молодёжи: «Я знаю, что в ваши лета советов не любят, всякий молодой человек хочет узнать всё по собственному опыту, но иногда плоды этого опыта бывают очень горьки... Ребяческие бредни уничтожаются сами собой, но до тех пор могут наделать молодым много вреда... Популярности я не ищу, популярничанье презираю; ищу только пользы и, признаюсь, буду весьма счастлив, если со временем, вспоминая о годах своей молодости и перечисляя имена лиц, которые желали вам добра, вы причислите к ним и моё имя»³.

Между правлением Д.А. Толстого и И.Д. Делянова в Министерстве народного просвещения сменилось две администрации. Но пребывание А.А. Сабурова и А.П. Николаи на министерском посту оказалось краткосрочным. Эпоха Толстого и Делянова продолжалась. В 1882 году Иван Давыдович (Ованес Давидович) Делянов стал министром народного просвещения по рекомендации К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова и возглавлял это ведомство пятнадцать лет. И.Д. Делянов был армянином, приверженным, однако, не Армяно-григорианской, а Русской православной церкви. В те годы дружба России и Армении, добровольно вошедшей в состав Российской империи, процветала. В Армении чтители

² Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 21. С. 136.

³ Толстой Д.А. Речи и статьи. СПб., 1876. С. 11.

память о русских солдатах-освободителях, павших в войнах за свободу братьев-христиан в XVIII — нач. XIX века, в России воспринимали как родную архитектуру армянских соборов, с незапамятных времён влившуюся в традицию русской архитектуры. В.И. Ленин верно подметил, что самыми преданными слугами империи становятся патриотически настроенные представители национальных меньшинств — из числа тех, кто чувствует свою силу в империи и личную благодарность империи. Он писал: «Обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения» («К вопросу

о национальностях, или об «автономизации», 1922 год). «Истинно русское» в тогдашнем политическом языке означало «черносотенное, консервативное». Конечно, под это определение подходил и Делянов. Человек твёрдых правил, Иван Делянов — политик, вошедший в ряд самых прославленных армян на российской и советской службе вместе с Лазаревыми и Лорис-Меликовым, Орбели и Тевосяном, Микоянами и Баграмяном... Делянов не был новичком в управлении образованием. Он долгие годы работал в министерстве и успел хорошо изучить специфику этого труда. Ставленник Д.А. Толстого и К.П. Победоносцева, Делянов проводил крайне консервативную политику. Он стремился усилить роль церкви в начальном образовании — и это ему удалось: был принят закон о передаче церковноприходских школ и школ грамотности в ведение Синода. Министр просвещения не мыслил своей работы вне работы Синода. Солдат империи, Делянов стремился расширить влияние русского языка в Прибалтике и иных некоренных землях, сделав его обязательным для всех учебных заведений Российской империи, включая протестантские школы. Он не верил в благотворность университетской автономии и, по существу, уничтожил её своим жёстким университетским уставом. Строгости нравов Делянов добивался и регламентировав поведение студентов, за которыми теперь следили не только в университете, но и за его пределами. Студенчество в те времена, несомненно, представляло угрозу режиму как прогрессивная социальная сила. Опиравшаяся на молодёжь либеральная журналистика успешно выполняла функции либеральной жандармерии, заставляя порой трепетать от страха даже И.С. Тургенева и И.А. Гончарова. Трудно в нашей литературе найти шедевр, который не был бы освистан этой публикой. Если роман «Преступление и наказание» был заклеен как «клевета на нашу молодёжь», то что говорить о патриархальных и государственных ценностях, которые отстаивали К.П. Победоносцев, Дм. Толстой и И.Д. Делянов... Консерваторам приходилось обороняться, и делали они это весьма неуклюже. «Журнал Министерства народного просвещения» должен был противостоять либеральной журналистике, вести с ней идеологическую войну с позиций государства. К этому вёл свой подведомственный журнал Иван Делянов. Министр-долгожитель, прослуживший на ниве просвещения 50 лет и удостоенный за это графского титула, — колоритная фигура России времён Александра II и Александра III. Судьба последователя И.Д. Делянова — министра Н.П. Боголепова — лучше всего показывает, какие жестокие наступали времена для российского студенчества, для учёных и администраторов образования. Война идей переходила в уличный террор. Однако высокий градус политического противостояния почти не сказывался на содержании журнала. Ни редактор А.И. Георгиевский, ни его преемники не занимались пропагандой, деятельность министерства отражалась лишь в публикациях документов. Подобная установка на объективизм делает честь и редакторам журнала, и министрам. В данном случае действовало золотое правило: жандармерия — отдельно, а журналистика — отдельно. Журнал же был отчётливо ориентирован на научно-популярный жанр, преподносившийся, разумеется, в духе политической благонамеренности.

Александр II, с таким рвением принявшийся за переустройство российской жизни после Крымской войны, в последние годы своего царствования терял интерес к политике. Всё большее значение в политической жизни России приобретал брат Александра II — Константин Николаевич, председатель Госсовета. Именно от него исходила теперь законодательная инициатива, что и было отражено на страницах журнала. Он как высочайшая особа принимал самое активное участие в жизни министерства и в жизни журнала.

И.Д. Делянов

3

В годы службы редактора А.И. Георгиевского журнал состоял из четырёх частей. Обширнейшая рубрика «Правительственные распоряжения» включала публикацию Высочайших повелений, приказов и наград, а также разноуровневых распоряжений Министерства народного просвещения. Влиятельный «Отдел педагогики и наук» публиковал научные и популярные статьи и доклады. В наследство от эпохи К.Д. Ушинского остался мощный отдел «Критика и библиография». Завершала журнал рубрика «Современная летопись», в которой были представлены публикации разных жанров, от речей министра Д.А. Толстого до статей о состоянии народного просвещения в разных странах мира. В структуре журнала доминировала официозность, характерная для министерского, правительственного издания. Но именно такой журнал был полезен и необходим. Ведь он предназначался работникам образования, которые благодаря журналу получали оперативную информацию о жизни государства, своих правах и обязанностях и о жизни министерства, которая освещалась с особой подробностью. И подчеркнём: журнал, созданный для пропаганды политики Министерства народного просвещения, проводил её деликатно, не превращаясь при этом в «агитационный листок».

Александр Иванович Георгиевский (1830–1911) по происхождению — дворянин Московской губернии, получил известность, работая на юге страны, в Одессе. В знаменитой Ришельёвской гимназии он стал профессором всеобщей истории и статистики. Как благонамеренный и подающий надежды молодой учёный и общественный деятель, А.И. Георгиевский принимает активное участие в издании сборников еврейской литературы «Сион» и «Рассвет», выходящих в Одессе — культурном центре Новороссии. В 1862–1866 годах он заведует отделом внешней политики в уважаемых «Московских ведомостях», становится признанным журналистом, отличается организаторскими способностями и умением нравиться начальству, слывёт необходимым сотрудником. Именно в те годы в России появилось характерное словечко «службист», определявшее людей, преданных своему делу и своей карьере, хладнокровных, педантичных, уверенно поднимающихся по служебной лестнице. Не забывал Александр Иванович и о научных исследованиях. Признанием укрепляющегося авторитета Георгиевского стало предложение переехать в Санкт-Петербург и возглавить «Журнал Министерства Народного Просвещения». От такого предложения амбициозный и болевший за судьбы российской науки сотрудник «Московских ведомостей» не мог отказаться... Четыре года, с 1866 по 1870-й, он возглавлял журнал. И оставил редакторское кресло ради новых административных вершин, ведь Александр Иванович Георгиевский был одним из ближайших соратников министров Д.А. Толстого и И.Д. Делянова... Он занимается центральным проектом толстовского министерства — введением классической системы в средней школе, являясь членом учёного комитета министерства. О том, какие деликатные поручения выполнял Георгиевский, говорит и составленная им секретная записка «О беспорядках в высших учебных заведениях». В 1896 году Александр Иванович Георгиевский становится действительным статским советником, в 1901 году — сенатором. Менялись министры и правительства, но он оставался столпом российского просвещения. Его сын, Лев Александрович чтит отцовские традиции. Он был директором Императорской Николаевской гимназии в Царском Селе, сенатором, членом Государственного совета.

При А.И. Георгиевском журнал стал оплотом классического образования. Основные публикации — из всеобщей истории, в особенности — из истории классической античности. Вместо пропагандировавшейся К.Д. Ушинским «актуальной педагогики» — трактаты о Греции и Риме, о странах Востока. Между ними — весьма талантливые и капитальные статьи по культурологии. Несомненно, такие публикации способствовали повышению теоретического уровня российского учительства. При А.И. Георгиевском в журнале публиковались работы знаменитого историка Сергея Михайловича Соловьёва («Прогресс и религия») и филолога, историка литературы Алексея Николаевича Веселовского («Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса» и др.), ставшие событиями в культурной жизни России. Эти учёные, ставшие основоположниками научных школ, отдавали в «Журнал Министерства Народного Просвещения» отнюдь не второстепенные свои

работы. Особенно это касается статьи А.Н. Веселовского, классической в наследии крупнейшего работчика сравнительного литературоведения. В 1870-м году Веселовский опубликовал в журнале и свою программную статью — «О методе и задачах истории литературы как науки», не потерявшую актуальности и в наше время. Среди наших соотечественников и зарубежных славистов многие и сейчас представляют себе наш журнал как издание, в котором печатались А.Н. Веселовский и С.М. Соловьёв. Действительно, после публикаций классических идеологом автора теории официальной народ-

ности, министра народного просвещения графа С.С. Уварова в нашем журнале не было более громких явлений. Достойная репутация министерского издания закладывалась при редакторе А.И. Георгиевском. После Георгиевского одиннадцать лет журналом руководил Е.М. Феокистов, в будущем (с 1883 года) — начальник Главного управления по делам печати, а до назначения редактором журнала — известный учёный-популяризатор, автор работы о Л.Ф. Магницком. Феокистова сменил Л.Н. Майков, редактировавший журнал в 1883–1890 годах. Брат известного поэта Аполлона Майкова, он был выходцем из семьи, с XVIII века трудившейся на литературной ниве. Сам Л.Н. Майков был замечательным историком литературы, изучавшим древнерусскую словесность и фольклор, а также написавшим труд о жизни и творчестве поэта К.Н. Батюшкова. Труды Л.Н. Майкова и собранные им фольклорные сборники переиздаются и в наше время. А к рубежам XIX века журнал пришёл с новым редактором — Василием Григорьевичем Васильевским. Об этом крупном учёном — одном из «китов» Санкт-Петербургского университета — мы подробнее расскажем в следующей главе...

А.И. Георгиевский

В истории нашего журнала прекрасной музыкой звучат имена великих учёных, определивших развитие русской и мировой науки. Их традиции священны для всех поколений редакторов и авторов «Народного образования». Об одном из таких авторов мы расскажем в этой главе.

Один из основоположников современной филологии, Фёдор Иванович Буслаев родился в городе Керенске Пензенской губернии, в семье судейского служащего. Будущий профессор и секретарь Общества любителей древнерусского искусства начал своё образование в Пензенской гимназии, где в то время служил В. Г. Белинский. Классик литературной критики стал для Буслаева первым учителем русской словесности. Ф.И. Буслаев навсегда запомнил уроки Белинского, с жаром читавшего юным гимназистам Державина и Крылова... С десяти лет Фёдор Буслаев мечтал о Московском университете, но для сына небогатых пензенских дворян эта мечта казалась неосуществимой. Шестнадцати лет он приехал в Москву сдавать вступительные экзамены на философский факультет — приехал, по собственному признанию, «без копейки в кармане». К нашему счастью, выпускник Пензенской гимназии с блеском прошёл экзаменационные испытания и был принят в университет «на казённый кошт». В университете Буслаев погружается в изучение языков и литературы. Он исследует поэзию итальянского Возрождения, на всю жизнь пленившись искусством великого Данте Алигьери. В университете Буслаев знакомится и с русским эпосом, изучает памятники древнерусской литературы.

Став магистром, Буслаев обращается к вопросам методики преподавания русского языка и литературы. Первой крупной печатной работой учёного стала книга «О преподавании отечественного языка». Учёный, проникший в педагогическую проблематику, не мог остаться равнодушным к уваровскому «Журналу Министерства Народного Просвещения». С 1850 годов Ф.И. Буслаев становится одним из самых авторитетных авторов журнала. Некоторое время Буслаев преподавал словесность во 2-й Московской гимназии — и этот опыт отразился в статьях, опубликованных в «ЖМНП». Буслаев пишет: «Педагог должен развивать, образовывать и упражнять способности учащихся: наука его только тогда имеет цену, когда прилична тем лицам, коим преподаётся». По Буслаеву, каждый учитель должен быть не только знатоком своей дисциплины, но и воспитателем юных душ, «образующим разум для образования сердца». Методика системного обучения

грамматике, предложенная Буслаевым на страницах журнала, и в наше время остаётся непревзойдённой по разумному, гармоническому сочетанию разных аспектов этой сложной материи. Это была первая научно проработанная методическая система в истории российской педагогики. Не случайно К.Д. Ушинский с гордостью называл себя «последователем Буслаева»!

В 1846 году Ф.И. Буслаев возвращается в родной Московский университет, на кафедру русской словесности, преподавателем. В стенах альма-матер он создаёт диссертацию «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт изучения языка по Остромирову Евангелию». Современники Буслаева не могли разобраться, что было важнее для Фёдора Ивановича: исследовательская деятельность или миссия преподавателя, лектора. Студенты носили на руках своего профессора, всякий раз встречая аплодисментами его появление в аудитории. А ведь среди восторженных слушателей буслаевских лекций были будущие академики А.Н. Веселовский и В.О. Ключевский...

С конца пятидесятых годов заслуженную известность в научной среде получает учебное пособие «Опыт исторической грамматики русского языка», выдержки из которого публиковались в «Журнале Министерства Народного Просвещения». Этот труд стал одним из краеугольных камней русской филологической науки, до сих пор оказывающих влияние на развитие школьных и университетских дисциплин. Признанием заслуг Буслаева-учёного и Буслаева-педагога стало приглашение читать курс русской словесности наследнику российского престола — старшему сыну императора Александра II Николаю. Два года продолжалась эта почётная миссия, поставившая Буслаева в ряд выдающихся русских просветителей, воспитывавших цесаревичей — от В.А. Жуковского до С.Ф. Платонова.

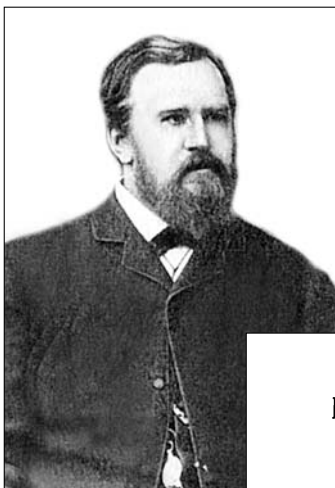
С начала 1860 годов Буслаев начинает разрабатывать важнейшую историко-литературную тему, которую можно определить двумя словами: фольклор и литература. Труды Буслаева заложили основы русской мифологической школы, известным представителем которой был А.Н. Афанасьев. В истории языка и мифологии учёный искал истоки того начала, которое в XX веке стало принято называть «национальной идеей» — народный характер, мировоззрение, нравственные устои. Обращаясь к сюжетам истории русской литературы и культуры, Буслаев погружал свои исследования в широчайший историко-культурный контекст, включавший образы европейских и азиатских культур разных эпох. Научный метод Буслаева заключался в сравнении, сопоставлении, о чём бы не писал исследователь — о новгородской иконе или «Божественной комедии» Данте...

Младший современник Ф.И. Буслаева, также относящийся к когорте самых почтенных авторов нашего журнала — А.А. Шахматов, писал: «Про Буслаева можно сказать, что он отдавался науке весь: сила ума и воображения, точный анализ и блестящая гипотеза, мечта и глубокое знание, наука и поэзия — всё это одинаково является достоянием трудов Буслаева».

К 1888 году зрение Буслаева настолько ослабло, что профессору было запрещено читать. Он лишился

Ф.И. Буслаев

Л.Н. Майков

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

І. ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ.

1893 года, ноября 2-го. Ординарному академику Императорской академіи наукъ, тайному совѣтнику *Майкову*—Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть вице-президентомъ сей академіи, съ увольненіемъ отъ должностей помощника директора Императорской публичной библиотеки и правителя дѣлъ археографической коммисіи министерства народнаго просвѣщенія.

и возможности наслаждаться любимыми образцами живописи... Выручали воспоминания. Несколько последних лет жизни Фёдор Иванович Буслаев диктовал свои мемуары. Скончался учёный на восьмидесятом году жизни, в подмосковном посёлке Люблино. Сейчас это район московских новостроек, по соседству с которым располагается и редакция журнала «Народное образование» — журнала, в котором никогда не забывали своего великого автора. Учёного, писателя, педагога. Где бы ты ни был, российский учитель — если ты даёшь урок грамматики или склоняешь голову перед древней русской иконой, — вспомни добрым словом Фёдора Ивановича Буслаева, чьё научное служение не было бесплодным.

Журнал ориентировался на консервативное классическое образование. Проблемы изучения латыни, греческого и античной истории оказались в центре многих капитальных работ, библиографических статей и рецензий. Пропаганда «толстовского классицизма» всколыхнула научную мысль русских античников, сделала её доступной для читателей. В этой области выделялись статьи В. Васильевского (интересна его работа «О построении крепости Саркел», посвящённая истории хазар, вышла в октябрьском и декабрьском номерах журнала за 1889 год), Ф.Ф. Соколова, П. Тихоновича, Н.М. Благовещенского (последний опубликовал в журнале интересную статью «Сатиры Персия» — 1870 г.).

В 1868 году в 140-й части журнала опубликована статья Н.Х. Бунге «Джон Стюарт Милль как экономист». Николай Христианович Бунге (1823—1895) участвовал в Финансовой комиссии, разрабатывавшей проект крестьянской реформы, преподавал финансовое дело и политэкономии наследнику, великому князю Николаю Александровичу. Позже этот профессор и ректор Киевского университета стал товарищем министра (1880), а вскоре и министром финансов (1881). На этом посту Н.Х. Бунге работал до 1887 года, после чего на долгие десять лет был назначен председателем Комитета министров. Академик (с 1890 года) Бунге был одним из крупнейших политических деятелей России своего времени, как теоретик и практик он во многом стал вдохновителем реформ И.А. Вышнеградского, С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. В шестидесятые годы, ещё не достигнув административных высот, он уже был авторитетным учёным-экономистом, и публикация его статьи в «Журнале Министерства Народного Просвещения» не могла пройти незамеченной. Работа Н.Х. Бунге о Джоне Милле получила европейскую известность, укрепила позиции будущего «правительственного волка». Показательная история: при редакторе А.И. Георгиевском наш журнал стал трибуной будущих и настоящих министров, журналом влиятельной элиты. Этот статус был приобретён и в связи с пребыванием на посту министра народного просвещения Д.А. Толстого и И.Д. Делянова — не просто политиков, но вождей целого направления в российской политике.

В сферу внимания авторов журнала попала судьба самого загадочного классического произведения русской литературы — «Слова о полку Игореве». Каждая новая работа о «Слове...», каждый новый перевод этого произведения — всё попадало на страницы журнала. В 1870 году, к примеру, в журнальной книжке появилась рецензия Н.А. Лавровского «О новом чешском переводе «Слова о полку Игореве». Обретение древнего поэтического эпоса было для России XIX века залогом государственного и культурного суверенитета, а международное признание «Слова...» особенно заботило министра просвещения и редактора журнала. Здесь совмещались и политические виды на всеславянское единение, и преодоление гимназических «комплексов» недооценки родной культуры.

На страницах журнала выступал и историк А.Г. Брикнер — автор масштабного труда о правлении Екатерины Великой и первый жизнеописатель Г.А. Потёмкина — князя Таврического, фельдмаршала и дипломата, первейшего политика из плеяды екатерининских орлов. В 1870 году А.Г. Брикнер опубликовал в отделе педагогики свою статью об исторических семинариях при университетах Германии. Наш журнал никогда не забывал о педагогической жизни Европы и мира, показывая российскому читателю её своеобразие, раскрывая её опыт. И оказывалось, что знание европейской ситуации не перечёркивает собственный опыт. Вечно неразрешимый вопрос: можно ли дружить со всем миром без угроз для собственного государственного и культурного суверенитета? — на заре 1870 годов ещё не был убийственным.

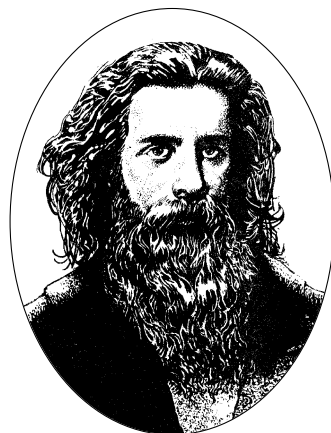
Одним из знаковых авторов журнала стал в эти годы и Иван Владимирович Цветаев — замечательный русский учёный и просветитель, основатель Музея изящных искусств (нынешний Государственный Музей изобразительного искусства имени А.С. Пушкина), отец Марины Цветаевой. Появление Ивана Цветаева в нашем журнале, в контексте истории русского просветительства, было закономерным. Задача, к решению которой учёный шёл всю свою жизнь, была педагогической: он пытался донести до своих соотечественников представление о разных этапах истории мировой культуры, стремился к наглядности своих уроков культурологии, их театральной организованности.

В 1877 году журнал напечатал статью Владимира Сергеевича Соловьёва «Философские начала цельного знания». Тремя годами ранее он дебютировал в отделе наук журнала статьёй «О философских трудах П.Д. Юркевича». Сын великого историка, также публиковавшегося в журнале, В.С. Соловьёв воплотил свой духовный опыт в сотнях страниц трудов. Обретение такого автора — событие в истории любого журнала. Выступление В.С. Соловьёва в журнале получилось ярким: первая публикация — это серьёзная работа, получившая немалый резонанс. А статья «Философские начала цельного знания» — глубочайшее исследование, ставшее классикой русской религиозной философии, одна из самых важных публикаций журнала за его двухсотлетнюю историю.

Журнал давал представление об истории и современном положении разных стран и народов; в сферу интересов его авторов попадали не только просветительские сюжеты, но и краеведение, этнография. К примеру, в 1878 году рядом со статьёй Владимира Соловьёва публикуются записки Ал. Цагарели «Из поездки в Закавказский

И.В. Цветаев

В.С. Соловьёв

край летом 1877 года», в которых представлен обзор одной из отдалённых и загадочных местностей Российской империи. В той же журнальной книжке — рецензия на работы профессора Гревингга по исследованию первобытных древностей Прибалтийского края и статья «О древней культуре западных финнов по данным их языка». Эти публикации знакомят читателя с разными краями огромной страны, с культурой и бытом народов, населявших тогдашнюю Россию. Множество подобных публикаций свидетельствует, что это была политика журнала — благоразумная и поучительная. Гоголевская мечта «проездиться по России» как будто находит воплощение в этих статьях-путешествиях с их ненавязчивой дидактикой.

В отделе «Современная летопись» печатались разнородные материалы. Так, в одном из выпусков 1874 года статья П. Мартынова «Село Мишенское, родина В.А. Жуковского» соседствует с информационной заметкой «Открытие учительской семинарии в Пскове». Отношение к Василию Андреевичу Жуковскому в кругах, близких к журналу, вообще было самым восторженным. Именно

он олицетворял в то время образ национального гения, великого поэта, чей вклад в просвещение России почитался огромным. Так обстояли дела в 1870 годы; к 1890 годам образ Жуковского оказался заслонённым образом А.С. Пушкина. Но Жуковский-просветитель (учитель царя, переводчик и пропагандист шедевров мировой литературы и т.п.) оставался ключевой культурой хрестоматийной школьной русской литературы.

В.А. Жуковский был не чужд придворной жизни и следовал её законам. Так, он «смягчал» строки пушкинского памятника в угоду стереотипам времени. В николаевские годы поэт создал цикл государственноутверждающих стихотворений, иллюстрировавших идеологическую систему гр. С.С. Уварова. Стихи получились напевные, талант Жуковскому не изменил — и в гимназиях разучивали эти верно-подданные строки. Характерно, что сам Жуковский определял жанр таких стихотворений как народную песню, что соответствовало и социальным устремлениям Уварова.

В.А. Жуковский

Мы приведём одну из песен Жуковского. Все гимназисты знали её наизусть.

Многи лета, многи лета,
Православный Русский Царь!
Строем станьте, песню гряньте
Про Царя и про народ.
Царь державный, Русью славной
Правь на славу в род и род.
Были годы, непогоды
Поднимались и на нас;
С громом брани в наши грани
Тёмный враг вбегал не раз.
Но проснулся, развернулся
Наш орёл вождём полков;
Свет дивится, Русь гордится
Славой дедов и сынов.
День Полтавы — праздник славы,
Измаил, Кагул, Рымник;
Бой Московский; взрыв
Кремлёвский
И в Париже русский штык.
За Балканом русским станом
Устрашенный старый враг;
И в ограду Царю-граду
На Босфоре русский флаг.
Величайся ж, Русь святая;
Славься, доблестный народ.
От Камчатки до Дуная
Наше всё и всё поёт:
Многи лета, многи лета,
Православный Русский Царь!

Эти стихи Жуковского вполне отражают ту официальную идеологию, которая распространялась в учебных заведениях, её проводил и наш журнал. Рыцарский образ Николая I — крупнейшего политика своего времени — вписывался в романтические представления Жуковского об идеальном государе. Царь как олицетворение Родины и любовь к нему как высший патриотизм — вот программа, успешно проводившаяся в России в течение нескольких десятилетий. Конечно, с течением времени картина усложнялась и идиллические стихи Жуковского многим уже казались выспренними. Клодтовский памятник императору Николаю Павловичу стоял на Исаакиевской площади, но больший восторг вызывало мастерство скульптора, нежели воспоминания о могущественном самодержце, в жизни которого, увы, был не только Адрианополь, но и Крымская катастрофа. Гимназисты продолжали разучивать стихи Жуковского о царе Николае, испытывая искреннее патриотическое чувство, скандируя «Царь великий, царь державный, обожаемый отец!», но в ранней юности многие из них узнавали и другую литературу — оппозиционную, всегда антимонархическую, а зачастую и антироссийскую, воспитывающую в молодом поколении взрывоопасный и мучительный стыд за свою Родину.

4

В последнее тридцатилетие XIX века «Журнал Министерства Народного Просвещения» слыл органом толстовского классицизма. Как мы видим, такое определение не исчерпывает всего содержания журнала за это время. Но все противоречия политики Д.А. Толстого и И.Д. Делянова, К.П. Победоносцева и М.Н. Каткова, которые пытались противопоставить популярной в обществе либеральной партии новое издание государственнической идеологии, отразились в истории журнала. В условиях, когда в России укреплялась буржуазия (отечественная и иностранная), при кризисном состоянии в огромной империи национального вопроса охранительство Толстого не могло иметь успеха. Каково было воспитывать верноподданнические чувства у гимназического учителя и гимназиста, когда новые хозяева жизни — капиталисты — открыто манкировали государственным интересом, руководствовались финансовой целесообразностью, законами наживы. Их демонстративная лояльность по отношению к самодержавию и церкви была инерционной, натужной и не имела ничего общего с реальной деловой практикой. Революционные настроения нарастали, становясь объективной реальностью. В государственной жизни не хватало суворовской и пушкинской гармонии. Учителя и школьники первыми принимают на себя огонь идеологических битв. Ведь каждый из нас знакомится с государственной политикой, с её парадным набором максим и стереотипов именно за школьной партой. «Журнал Министерства Народного Просвещения» находился на передовой идеологической борьбы, и в этой войне не могло быть победителей, только тяжкие потери. За полтора десятилетия до событий 1905 года в нашей педагогике начинает проявляться народническая традиция, оппозиционная по отношению к официозу Министерства народного просвещения. После октябрьского Манифеста оппозиционная (теперь — социал-демократическая) педагогическая пресса уже воздвигла систему, конкурировавшую с государственной. На неё работали и учебники, и сотни учителей, и целый ряд издательств. Это был один из самых болезненных итогов толстовской политики — безусловно, нежелательный для Победоносцева, Толстого, Делянова, Георгиевского...